Евгений Плотников

СССР

Рассказы ушедшей цивилизации

Евгений Плотников

СССР. Рассказы ушедшей цивилизации

https://litres.ru/74707129
SelfPub; 2026

Аннотация

Мы привыкли думать, что знаем Советский Союз. Заводы и коммуналки, деревни и города, милиция, дачи, поезда, обычная жизнь миллионов людей.

Но что, если за этой привычной реальностью существовало нечто ещё?

Странные исчезновения, квартиры, в которых происходят необъяснимые вещи, заброшенные станции, ночные дороги и леса, куда лучше не заходить после заката. Обычные советские люди сталкиваются с тем, чему нет места ни в газетах, ни в официальных отчётах.

Охотники отправляются за чудовищем и сами становятся добычей. Милиционеры расследуют дело, которое невозможно объяснить. Рабочие выходят на смену и обнаруживают, что привычный завод уже не совсем тот, каким был вчера.

Это сборник мистических и страшных историй о стране, которой больше нет.

И самое интересное — некоторые из них звучат так, будто **всё это действительно могло произойти**.

Открой книгу. Возможно, после неё привычный СССР покажется тебе совсем другим.

Содержание

Котлеты по-степановски	7
Гроб на колёсах	35
Вожатая Евгения	50
Чёрная «Волга»	69
Чёрный телевизор	83
Состав-призрак	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

СССР. Рассказы ушедшей цивилизации

Сборник мистических историй

Все права защищены.

Содержание

Котлеты по-степановски ...4
Гроб на колёсах ...28
Вожатая Евгения ...41
Чёрная «Волга» ...57
Чёрный телевизор ...69
Состав-призрак ...75
Третий лифт ...88
Перчатки ...106
Пение в парадной ...116
Тот, кто пришёл с горы ...125
Проект «Сияние» ...140
Гаишник, который никак не мог уйти на пенсию ...151
Квартира в сталинке ...162
Восток 178
Вепрь под Полтавой ...190
Древняя семья ...200
Мёртвый остров «Последний венок» ..212
Шепчущие ...244
Уральский монстр ...268

Последний ужин ...285
Хозяин Медной горы ...302
Антошка, Антошка, возьми к обеду ложку! ...319

Котлеты по-степановски

Олимпиада закончилась в августе.

Москва ещё несколько недель жила её эхом.

На улицах всё чаще попадались люди с фотоаппаратами, которые уже не фотографировали. Иностранцев становилось меньше, продавцы в магазинах снова начинали смотреть на покупателей с привычным выражением лёгкой усталости, а на дачах, как это всегда бывало после больших городских событий, начиналась настоящая жизнь.

У Сергея Степанова дача была в сорока километрах от Москвы.

Домик небольшой, но добротный. Два этажа, веранда, старый холодильник «ЗИЛ», который гудел даже ночью, и сад, в котором яблоки почему-то всегда созревали раньше, чем у соседей.

На втором этаже стояла железная кровать, застеленная клетчатым покрывалом.

На первом — кухня, где помещались одновременно шесть человек, хотя стол был рассчитан на четверых.

Именно поэтому за столом всегда сидели тесно.

Сергей говорил, что это полезно.

— Тесно сидим — больше выпьем, — объяснял он.

Никто не спорил.

Сергей Степанов был доцентом, кандидатом физико-ма-

тематических наук и человеком, который умел делать шашлык так, что даже самый заядлый вегетарианец, по словам Сергея, становился убеждённым сторонником советской мясной промышленности.

Впрочем, вегетарианцев среди его друзей не было.

Все они работали в одном институте.

Некоторые преподавали.

Некоторые занимались исследованиями.

Двое уже защитили докторские.

Ещё двое готовились.

И один, Борис Аркадьевич Левин, уже третий год говорил, что защитится «вот буквально следующей осенью».

Следующая осень у Бориса Аркадьевича наступала ежегодно.

И каждый раз без диссертации.

По пятницам они собирались у Сергея.

Иногда вчетвером.

Иногда впятером.

Иногда человек семь.

Пили водку.

Закусывали огурцами, селёдкой, сыром, помидорами и тем, что Сергей называл «дачной гастрономией».

На самом деле это были продукты, которые его жена покупала в Москве.

Но слово «дачное» почему-то делало всё вкуснее.

Разговоры всегда начинались с науки.

Потом переходили на институт.

Потом на начальство.

Потом на женщин.

Потом на политику.

Потом снова на науку.

После третьей бутылки наука обычно становилась особенно интересной.

— Ты понимаешь, — говорил профессор Климов, поднимая стакан, — что проблема не в самом методе.

— А в чём?

— В людях.

— Люди всегда проблема, — соглашался Степанов.

— Потому что метод объективен.

— Метод объективен, пока его не применяет человек.

После этого все замолкали.

Потому что фраза казалась чрезвычайно глубокой.

Иногда кто-нибудь записывал её на салфетке.

Утром салфетку находили под столом и долго не могли разобрать почерк.

Так проходило лето.

Так началась осень.

Первым не пришёл Виктор Николаевич.

Это никого особенно не удивило.

Виктор Николаевич вообще был человеком непостоянным.

Он мог неделю говорить, что обязательно приедет, а по-

том в последний момент позвонить:

— Не получится.

— Почему?

— Обстоятельства.

Какие именно обстоятельства, он никогда не объяснял.

В тот вечер Сергей поставил на стол семь рюмок.

Потом посмотрел на них.

Одну убрал.

— Ну и ладно, — сказал он.

— Может, приедет позже, — заметил Климов.

— Приедет.

Не приехал.

Пили за Виктора Николаевича.

Это была старая традиция.

Если человек отсутствовал, за него обязательно пили.

Если присутствовал — тоже.

Так что отсутствие в компании вообще редко становилось причиной отказаться от тоста.

Через неделю Виктор Николаевич снова не приехал.

— Что-то он совсем пропал, — сказал Борис Аркадьевич.

— Жив-здоров, — ответил Сергей.

— Откуда знаешь?

— Звонил.

— Когда?

Сергей пожал плечами.

— На неделе.

На этом разговор закончился.

Через две недели Виктор Николаевич всё-таки появился в институте.

Только не на кафедре.

О нём говорили, что он перевёлся.

Куда именно — никто не знал.

И почему-то никто не стал выяснять.

В советской жизни люди иногда исчезали из одного кабинета и появлялись в другом.

Сотрудник мог уйти в другой институт.

Уехать в командировку.

Поменять город.

Поступить в аспирантуру.

Развестись.

Жениться.

Заболеть.

Просто перестать приходить.

Жизнь была огромной, и у каждого человека имелась своя дверь, за которой происходило что-то такое, куда остальные не входили.

Поэтому никто не удивился.

Пока не исчез Андрей Сергеевич.

Андрей Сергеевич был совсем другим человеком.

Он не опаздывал.

Не пропускал заседаний.

Не забывал обещаний.

И особенно не пропускал пятничных вечеров у Степанова.

Он говорил, что именно там впервые понял настоящую ценность научного сообщества.

— Где ещё можно за один вечер решить три мировые проблемы и две личные? — говорил он.

А потом обычно засыпал в кресле.

В один прекрасный пятничный вечер его не было.

— Позвонить ему? — спросил Борис Аркадьевич.

— Зачем?

— Ну мало ли.

— Он взрослый человек.

— Вот именно.

Странная фраза.

Сергей посмотрел на него.

— Тогда чего ты волнуешься?

Борис Аркадьевич пожал плечами.

— Не знаю.

Они выпили.

Потом ещё.

Потом Сергей вынес мясо.

И никто не заметил, что на этот раз оно было особенно мягким.

Осенью на даче становилось тихо.

Листья собирались у забора.

По утрам трава была мокрой.

На веранде пахло сырой древесиной.

Солнце садилось раньше, и после шести часов казалось, что день уже закончился.

Но пятничные посиделки продолжались.

В октябре они стали почти семейными.

Сергей покупал продукты заранее.

На столе неизменно появлялась селёдка.

Огурцы.

Хлеб.

Лук.

Горчица.

Иногда икра.

А потом мясо.

Котлеты.

Шашлык.

Домашняя колбаса.

— Где ты всё это достаёшь? — однажды спросил Климов.

Сергей улыбнулся.

— У меня связи.

— В магазине?

— И там тоже.

Все засмеялись.

В те годы «связи» были универсальным объяснением всего.

Если у человека появлялась хорошая колбаса — связи.

Если достал импортные ботинки — связи.

Если удалось купить мебель — связи.

Если где-то появился редкий автомобиль — связи.

Страна держалась на плановой экономике.

А жизнь — на знакомствах.

В ноябре исчез Николай Петрович.

Он был старшим научным сотрудником.

Человеком очень тихим.

Почти незаметным.

Его никто не любил особенно сильно.

И никто не не любил.

Он просто был.

Такой человек, про которого после двадцати лет работы внезапно выясняется, что ты даже не знаешь, сколько у него детей.

— Уехал, — сказал Сергей.

— Куда?

— Не знаю.

— А жена?

— Тоже не знаю.

— Странно.

— Что странного?

И снова все замолчали.

Только Борис Аркадьевич смотрел на Степанова.

Недолго.

Потом отвёл взгляд.

В тот вечер Сергей приготовил котлеты.

Очень вкусные.

Борис Аркадьевич съел две.

Потом третью.

— Слушай, — сказал он, — у тебя котлеты стали лучше.

— Рецепт тот же.

— Нет.

— Что нет?

— Раньше были другие.

Сергей посмотрел на него.

— Ты много пьёшь.

— Я ещё трезвый.

— Вот это и плохо.

Все засмеялись.

В декабре выпал снег.

Сначала лёгкий.

Потом настоящий.

Дачный участок стал белым.

Старое яблоневое дерево стояло у дома, похожее на человека, который слишком долго не спал.

Сергей расчистил дорожку.

Вечером приехали Климов, Борис Аркадьевич и ещё трое.

Никого из тех, кто раньше приходил регулярно, уже не осталось.

Это почему-то никого не тревожило.

Каждый раз компания формировалась сама.

Одни исчезали.

Другие появлялись.

Так было всю жизнь.

Сергей достал бутылку.

— За что?

— За нас.

— А что с нами?

— Пока ничего.

— Хороший тост.

Выпили.

За окном падал снег.

В магнитофоне тихо шла музыка.

Кто-то рассказывал про Олимпиаду.

Кто-то спорил, сколько на самом деле стоила церемония открытия.

Кто-то утверждал, что видел американского спортсмена в гостинице.

Кто-то говорил, что советская сборная выступила блестяще.

Потом разговор перешёл на институт.

Именно тогда Сергей вдруг сказал:

— А вы никогда не замечали, что самые талантливые люди исчезают первыми?

Тишина возникла не сразу.

Сначала никто не понял, что он сказал.

— Что?

— Ничего.

— Нет, повтори.

Сергей налил себе водки.

Рука у него слегка дрожала.

— Говорю: самые талантливые почему-то исчезают первыми.

— С чего ты взял?

— Наблюдение.

Климов усмехнулся.

— Какое ещё наблюдение?

Сергей посмотрел на него.

Очень долго.

— Моё.

Никто не засмеялся.

Через полчаса Сергей был уже сильно пьян.

Не весело пьян.

Не по-дачному.

Не так, как обычно.

Он сидел, положив локти на стол, и смотрел на тарелку.

На ней оставались две котлеты.

Борис Аркадьевич вдруг заметил, что Сергей смотрит именно на них.

— Чего?

— Ничего.

— Ты чего-то хочешь сказать?

Сергей улыбнулся.

— Да.

— Ну?
Он поднял стакан.
Не выпил.
Поставил обратно.
— Вы знаете, что ели?
Все засмеялись.
— Конечно.
— Я серьёзно.
— А что это?
Сергей посмотрел на котлеты.
— Мясо.
— Ну да.
— Человеческое.
Сначала никто не понял.
Фраза зависла над столом.
Потом Климов рассмеялся.
— Хорош.
Сергей не смеялся.
— Я говорю серьёзно.
В комнате стало очень тихо.
Музыка в магнитофоне продолжала играть.
Кто-то подошёл и выключил её.
Щелчок.
И вдруг стало слышно, как работает холодильник.
— Сергей, ты чего?
— Ничего.

— Что значит — человеческое?
Сергей посмотрел на них.
И совершенно спокойно сказал:
— Людей.
Никто не ответил.
Секунд десять.
Может, двадцать.
Борис Аркадьевич первым отвернулся.
— Ты идиот.
— Возможно.
— Это не смешно.
— Я и не шучу.
Климов встал.
— Ты пьян.
— Пьян.
— Поэтому завтра ничего этого не будет.
— Будет.
— Что?
Сергей посмотрел на него.
— В следующий раз будет опять.
Борис Аркадьевич вдруг побледнел.
— Кто?
— Что?
— Кто это?
Сергей пожал плечами.
— Вы же знаете.

— Нет.
— Знаете.
— Сергей.
— Виктор Николаевич.
Тишина.
— Андрей Сергеевич.
Климов резко отодвинулся от стола.
Стул ударился о стену.
— Заткнись.
— Николай Петрович.
Борис Аркадьевич вскочил.
— Заткнись!
Сергей продолжал.
— И ещё двое.
Кто-то выбежал на веранду.
Через секунду оттуда донёсся звук рвоты.
Потом ещё один.
Борис Аркадьевич смотрел на котлеты.
Ему показалось, что одна из них лежит чуть иначе.
Он вдруг вспомнил.
Андрей Сергеевич.
Тот вечер.
Он сказал тогда:
«Очень вкусно».
А Сергей ответил:
«Рад, что понравилось».

Борис Аркадьевич прикрыл рот рукой.

И выбежал следом.

Через двадцать минут никто уже не ел.

На кухне стоял тяжёлый запах водки, табака, еды и человеческого страха.

Один сидел на полу.

Другой умывался холодной водой.

Климов стоял возле окна.

Сергей оставался за столом.

Почти трезвый.

Именно это было страшнее всего.

— Зачем? — спросил Климов.

Сергей не ответил.

— Зачем ты это делал?

— Не знаю.

— Врёшь.

Сергей посмотрел на него.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Знаете, как выбирают людей?

Никто не ответил.

— Я сначала выбрал Виктора.

— Почему?

— Он был лучшим.

Климов медленно повернулся.

— Что?

— Самым перспективным.
— И?
— А потом понял, что это неправильно.
— Что именно?
— Он слишком много знал.
Сергей говорил совершенно буднично.
Будто обсуждал научную статью.
— Потом я выбрал Андрея Сергеевича.
— Почему?
— Он был вторым.
— Вторым по чему?
— По кафедре.
Климов закрыл глаза.
— Господи…
Сергей продолжил:
— Потом Николай Петрович.
— Он был плохим специалистом?
— Не очень.
— Тогда почему?
— Потому что он был последним.
Борис Аркадьевич сидел в углу.
— Что значит последним?
Сергей посмотрел на него.
— После лучших всегда приходят худшие.
Эта фраза прозвучала так спокойно, что от неё стало холоднее.

— Я просто проверял.
— Что?
— Сначала лучших.
— Зачем?
— Чтобы понять, изменится ли вкус.
Никто не ответил.
Сергей вздохнул.
— Не изменился.
Он посмотрел на котлеты.
— Человек — это ведь тоже мясо.
Климов ударил ладонью по столу.
— Ты сумасшедший!
Сергей пожал плечами.
— Может быть.
— Ты их убивал?
Сергей долго молчал.
— Да.
— Всех?
— Не всех.
— Кого ещё?
— Неважно.
— Где?
Сергей улыбнулся.
— Здесь.
Климов посмотрел на стены.
На кухню.

На пол.

На деревянные шкафчики.

На старую газовую плиту.

На висящие возле двери рабочие перчатки.

На фотографию Сергеевой семьи.

Всё было обычным.

От этого становилось невыносимо.

— Как?

— По-разному.

— Господи…

— Не надо так.

— Как тебе не стыдно?

Сергей впервые нахмурился.

— А почему должно быть стыдно?

Никто не нашёл ответа.

Потом начался самый странный разговор.

Не о том, как Сергей убивал.

Не о том, где он прятал тела.

Не о том, сколько людей погибло.

Они говорили о том, почему никто ничего не заметил.

И это оказалось страшнее всего.

Потому что у каждого находилось объяснение.

Виктор Николаевич действительно собирался перейти в другой институт.

Андрей Сергеевич действительно говорил о командировке.

Николай Петрович действительно жаловался на здоровье.

Каждому исчезновению они сами нашли нормальную причину.

Никто не хотел видеть ненормальное.

Человек вообще очень странное существо.

Он способен увидеть ужас.

Но если ужас происходит постепенно, он сначала называет его случайностью.

Потом совпадением.

Потом обстоятельством.

И только когда становится поздно, понимает, что всё это время смотрел прямо на него.

Около двух часов ночи Борис Аркадьевич сказал:

— Надо позвонить в милицию.

Все посмотрели на него.

— Да, — сказал Климов.

Но никто не двинулся.

Телефон стоял в коридоре.

Чёрный.

Тяжёлый.

Обычный советский телефон.

До него было пять шагов.

Пять.

Борис Аркадьевич посмотрел на него.

Потом на Сергея.

— Звони, — сказал Сергей.

— Сам позвони.

— Почему я?

— Потому что это ты сделал.

Сергей улыбнулся.

— А ты ел.

Эти слова окончательно разрушили что-то внутри комнаты.

Борис Аркадьевич побледнел.

Климов отвернулся.

Никто не пошёл к телефону.

Через некоторое время Борис Аркадьевич сказал:

— Если сейчас вызвать милицию…

Он не закончил.

Все понимали продолжение.

Следствие.

Протоколы.

Допросы.

Экспертизы.

Институт.

Газеты.

Начальство.

Семьи.

Фамилии.

Вопросы.

И самое страшное:

сколько людей уже было съедено?

Они не знали.

А Сергей не говорил.

Утром никто не вспоминал про милицию.

Они разъехались.

Сергей остался на даче.

Перед самым отъездом Климов остановился у машины.

— Я всё равно сообщу.

Сергей кивнул.

— Хорошо.

Климов сел в машину.

Завёл двигатель.

Постоял.

И уехал.

Не сообщил.

Борис Аркадьевич тоже.

Никто не сообщил.

Причина была не одна.

Страх.

Стыд.

Неверие.

И ещё что-то такое, чему они сами не могли подобрать название.

Они слишком долго ели за одним столом.

Слишком долго дружили.

Слишком много говорили.

Слишком много знали друг о друге.

А теперь выяснилось, что знали они друг о друге совсем не то.

Через месяц Сергей Степанов исчез.

Институт получил бумагу.

«В связи с личными обстоятельствами».

Никто не знал, куда он уехал.

На кафедре говорили, что он уехал к родственникам.

Потом — что заболел.

Потом — что сменил место работы.

Через год его имя почти перестали произносить.

Жизнь продолжалась.

Приходили новые сотрудники.

Появлялись новые аспиранты.

Кто-то защищал диссертацию.

Кто-то проваливал.

Кто-то уходил.

Кто-то становился заведующим.

Кто-то пил.

Только пятничных посиделок больше не было.

По крайней мере, вместе.

Борис Аркадьевич перестал есть котлеты.

Совсем.

Даже дома.

Он говорил жене, что просто разлюбил мясо.

Климов стал пить один.

Очень редко.

Но когда пил, всегда запирал дверь.
Однажды через несколько лет они случайно встретились.
В коридоре института.
Остановились друг напротив друга.
— Здравствуй.
— Здравствуй.
— Как ты?
— Нормально.
— Давно не виделись.
— Давно.
Они помолчали.
Потом Борис Аркадьевич тихо спросил:
— Ты помнишь?
Климов посмотрел на него.
— Конечно.
— Ты когда-нибудь думал, что это могло быть неправдой?
Климов ответил не сразу.
— Каждый день.
— И?
— Не знаю.
Они снова замолчали.
Потом Климов сказал:
— А помнишь, как он готовил котлеты?
Борис Аркадьевич посмотрел на него.
— Зачем ты это сказал?
— Не знаю.

— Я до сих пор чувствую их вкус.

Климов закрыл глаза.

И впервые за много лет его затошнило.

Сергей Степанов умер в девяностых.

По крайней мере, так говорили.

Документов никто из них не видел.

Кто-то утверждал, что его нашли в другом городе.

Кто-то — что он умер ещё в восемьдесят третьем.

Кто-то говорил, что фамилия была другой.

А потом Советский Союз закончился.

Страна, в которой они родились, работали, любили, спорили, пили водку и защищали диссертации, исчезла почти так же буднично, как исчезали сотрудники их кафедры.

Не было одного момента.

Не было единственной секунды, когда можно было сказать:

вот теперь всё кончилось.

Просто однажды люди проснулись и поняли, что живут уже в другой стране.

Некоторые старые вывески ещё висели.

Телефоны ещё звонили.

Дома стояли на тех же местах.

Люди ездили по тем же улицам.

Но мира уже не было.

Много лет спустя Борис Аркадьевич пришёл на старую дачу.

Дом давно принадлежал другому человеку.
Новые хозяева сделали ремонт.
Поменяли окна.
Покрасили стены.
Убрали старую кухню.
Но яблоня осталась.
Та самая.
Он стоял возле неё и смотрел на дом.
Ему было уже далеко за семьдесят.
Он пришёл один.
Не потому, что хотел вспомнить.
Наоборот.
Он хотел проверить, действительно ли всё это было.
В доме ему показали старую кухню.
Хозяин сказал:
— Вот здесь раньше была печка.
— Да.
— Вы здесь бывали?
Борис Аркадьевич посмотрел на него.
— Очень давно.
— При Степанове?
Он вздрогнул.
— Вы знали его?
— Нет. Мне рассказывали.
— Что рассказывали?
Хозяин улыбнулся.

— Что он хорошо готовил.

Борис Аркадьевич ничего не ответил.

На улице было тихо.

Где-то за забором лаяла собака.

Старое яблоко упало в траву.

Он поднял его.

Покрутил в руке.

И вдруг понял одну вещь.

За всю жизнь он так и не узнал, почему Сергей выбрал именно их.

Возможно, потому что они были лучшими.

Возможно, потому что хуже.

Возможно, потому что ему просто хотелось.

Но одна деталь не давала ему покоя.

В тот последний вечер Сергей сказал:

«После лучших всегда приходят худшие».

И Борис Аркадьевич впервые понял, что Сергей, вероятно, говорил не о людях.

Он говорил о времени.

О том, что одна эпоха пожирает другую.

О том, что сначала исчезают лучшие.

Потом остаются те, кто смог приспособиться.

А потом исчезают и они.

Он бросил яблоко обратно в траву.

И пошёл к машине.

На полпути остановился.

Обернулся.

Посмотрел на старый дом.

И ему на мгновение показалось, что на веранде стоит Сергей.

Только не старый.

Таким, каким он был тогда.

Молодым.

Улыбающимся.

С бутылкой водки в руке.

— Будешь? — будто спросил он.

Борис Аркадьевич покачал головой.

— Нет.

И вдруг понял, что улыбается.

Совсем немного.

Почти незаметно.

Потому что перед ним была уже не дача.

Не Сергей.

Не Советский Союз.

И даже не страшное прошлое.

Это была просто память.

А память, как выяснилось, тоже умеет кормить человека тем, чего он больше всего хочет забыть.

Он сел в машину.

Захлопнул дверь.

И долго не заводил двигатель.

Потому что где-то внутри него всё ещё стоял тот самый

стол.

Гранёные стаканы.

Селёдка.

Лук.

Хлеб.

Тарелка с котлетами.

И люди, которых давно нет.

Люди, которых они когда-то любили.

Люди, которых они когда-то ели.

И самое страшное заключалось даже не в этом.

Самое страшное было в том, что спустя сорок лет Борис Аркадьевич всё ещё помнил, какими вкусными были те котлеты.

Гроб на колёсах

Валя вернулась из пионерского лагеря в середине августа 1975 года.

Поезд пришёл рано утром. Мама встретить её не смогла — на заводе как раз была смена, а отец обещал прийти вечером. Поэтому Валя сама добралась до дома с чемоданом, на котором ещё висела красная ленточка с названием лагеря.

В автобусе она всё время смотрела в окно.

Город казался ей каким-то другим.

За три недели лагеря она привыкла к соснам, речке, деревянным корпусам, громкому горну по утрам и вечному крику мальчишек возле футбольного поля.

А здесь снова были серые пятиэтажки, троллейбусы, очереди у магазина и женщины с авоськами.

Валя даже соскучилась по этому.

Ей было двенадцать.

Она поднялась на третий этаж, поставила чемодан перед дверью и долго искала ключ в кармане.

Наконец открыла.

— Я дома…

Она сама не знала, зачем сказала это вслух.

Квартира была пустая.

На кухне тикали часы.

На подоконнике стояла банка с засохшей геранью.

На стене висел календарь с фотографией Байкала.

Валя сняла босоножки, поставила чемодан возле кровати и первым делом включила радио.

Старенький радиоприёмник на кухне ожил лёгким потрескиванием.

— …передаём последние известия…

Валя улыбнулась.

Наконец-то дома.

Она открыла холодильник.

В кастрюле стояла картошка.

На блюдце лежали три яйца.

Рядом — банка солёных огурцов.

Валя взяла яйцо, очистила его и села за стол.

Радио тихо играло.

Обычные новости.

Про урожай.

Про строительство.

Про соревнования.

Про погоду.

Валя почти не слушала.

Она рассказывала сама себе, что было в лагере.

Как Колька Сидоров свалился с мостика.

Как Зинка потеряла тапок в речке.

Как их отряд выиграл соревнования.

Как ночью кто-то стучал в окно первого корпуса.

Она улыбалась.

Потом диктор сказал:

— Внимание. Передаём внеочередное сообщение.

Валя перестала жевать.

Голос диктора стал немного серьёзнее.

— Сегодня около шести часов утра на городском кладбище был обнаружен вскрытый участок захоронений.

Валя пожала плечами.

Ей стало скучно.

Она уже собиралась выключить радио.

— При осмотре территории было установлено отсутствие одного гроба.

Валя остановилась.

— По предварительным данным, гроб был извлечён из земли неизвестным способом.

Она усмехнулась.

— Ну и новости…

Диктор продолжил:

— Очевидцы утверждают, что после извлечения гроб самостоятельно покинул территорию кладбища.

Валя медленно положила яйцо.

— В настоящее время устанавливается направление его движения.

Пауза.

— Гроб передвигается на металлических колёсах.

Валя засмеялась.

Но смех получился неуверенный.

— Совсем с ума сошли…

Она выключила радио.

В кухне стало тихо.

Валя поднялась и пошла в комнату разбирать вещи.

Через несколько минут ей показалось, что за окном что-то произошло.

Она подошла к стеклу.

Во дворе всё было нормально.

Мальчик катался на велосипеде.

У подъезда две женщины разговаривали.

Старик поливал цветы.

Где-то далеко играла музыка.

Валя уже хотела отойти от окна, когда услышала:

Тук.

Она посмотрела вниз.

Ничего.

Тук.

Звук повторился.

Глухой.

Будто по асфальту медленно катили что-то тяжёлое.

Валя нахмурилась.

И тут радио снова включилось.

Само.

— Внимание.

Валя медленно повернулась.

— Передаём дополнительное сообщение.

Она подошла к радиоприёмнику.

— Объект, ранее обнаруженный на городском кладбище, продолжает движение.

Валя почувствовала неприятный холод в животе.

— Очевидцы сообщают, что объект движется по улице…

Диктор назвал её улицу.

Валя застыла.

Несколько секунд она просто смотрела на радио.

— …в направлении жилых домов.

Она выключила его.

Сразу.

Но через секунду радио снова включилось.

— Просим граждан сохранять спокойствие.

Валя попятилась.

— Гражданам рекомендуется не выходить на улицу.

С улицы донёсся звук.

Тук.

Валя подошла к окну.

Во дворе никого не было.

Велосипед лежал возле песочницы.

Женщины исчезли.

Старика не было.

Только открытая калитка медленно двигалась от ветра.

Тук.

Теперь звук был ближе.

Валя отошла от окна.

Радио продолжало говорить.
— Объект обнаружил дом.
Диктор назвал номер дома.
Валя почувствовала, как у неё немеют пальцы.
— В настоящее время объект находится возле подъезда.
Она прошептала:
— Нет…
Радио ответило:
— Объект вошёл в подъезд.
Валя посмотрела на входную дверь квартиры.
Она была закрыта.
В подъезде было тихо.
Она подошла к двери и приложила ухо.
Ничего.
Потом…
Тук.
Где-то внизу.
Тук.
Ещё один этаж.
Тук.
Ещё.
Гроб поднимался по лестнице.
Валя отскочила от двери.
— Нет…
Радио продолжало:
— Первый этаж.

Тук.
— Второй этаж.
Тук.
Валя зажала рот руками.
— Третий этаж.
Наступила тишина.
Гроб остановился.
Прямо за дверью.
Валя медленно попятилась.
Она закрыла верхний замок.
Потом нижний.
Проверила ещё раз.
В радиоприёмнике зашипело.
— Объект остановился перед квартирой.
Валя уже плакала.
Она не могла заставить себя закричать.
— Объект определяет квартиру.
Пауза.
— Квартира номер…
Диктор назвал номер.
Валин номер.
Она сползла по стене на пол.
Из-за двери донёсся звук.
Тук.
Тук.
Тук.

Валя закрыла глаза.
Она ждала.
Ничего.
Пять секунд.
Десять.
Двадцать.
Потом радио сказало:
— Объект покинул подъезд.
Валя открыла глаза.
Что?
Она подбежала к двери и посмотрела в глазок.
Лестничная площадка была пустой.
Она осторожно открыла замок.
Приоткрыла дверь.
Никого.
Валя вышла.
На лестнице лежали три маленьких комочка земли.
Она посмотрела вниз.
На ступенях были следы.
Грязные.
Свежие.
Они вели наверх.
Но обратно не вели.
Валя резко захлопнула дверь.
Заперла её.
Потом ещё раз.

И тут зазвонил телефон.
Чёрный телефон на стене.
Дзынь.
Валя замерла.
Дзынь.
Она подошла.
Сняла трубку.
— Алло?
Несколько секунд была тишина.
Потом раздался голос:
— Валечка?
— Мама?
— Где ты?
Валя заплакала от облегчения.
— Я дома.
На другом конце снова тишина.
— Валя…
— Да?
Мамин голос стал очень странным.
— Не открывай дверь.
Валя посмотрела на вход.
— Почему?
— Я стою возле дома.
— Я же слышу тебя…
Мама замолчала.
А потом тихо сказала:

— Я ещё на работе.
Валя перестала дышать.
— Что?
— Валя, не открывай дверь.
В этот момент кто-то постучал.
Тук.
Валя бросила трубку.
Тук.
Она отошла от двери.
Тук.
Три удара.
И голос матери:
— Валечка…
Валя закрыла рот руками.
— Открой.
Она плакала.
— Это мама.
Радио включилось.
Диктор произнёс:
— Объект снова обнаружен.
Валя посмотрела на него.
— Объект находится перед входной дверью.
За дверью мама продолжала:
— Валечка, открой.
— Объект пытается войти.
Дверная ручка медленно опустилась.

Валя попятилась.
— Не бойся.
Голос за дверью стал ниже.
Чужой.
— Это мама.
Ручка опустилась ещё ниже.
Щёлкнул замок.
Валя закричала.
И вдруг…
всё прекратилось.
Ручка поднялась.
Голос исчез.
Радио замолчало.
В квартире наступила тишина.
Валя стояла посреди комнаты и плакала.
Она ждала.
Минуту.
Другую.
Потом осторожно подошла к окну.
Во дворе появился человек.
Женщина.
Валя сразу узнала её.
Это была мама.
Она действительно вернулась.
Женщина подняла голову и посмотрела на окно.
Валя бросилась к двери.

Но остановилась.
Телефон снова зазвонил.
Она медленно подняла трубку.
— Валечка…
— Мама?
— Не выходи.
— Ты где?
— Я стою возле дома.
Валя посмотрела в окно.
Мама стояла во дворе.
— Но я тебя вижу.
Мама на другом конце телефона заплакала.
— Валя…
— Что?
— Я не одна.
Валя посмотрела вниз.
Рядом с мамой стоял гроб.
Чёрный.
С металлическими колёсами.
Валя не могла пошевелиться.
Гроб медленно повернулся.
Прямо к её окну.
Мама продолжала:
— Валечка…
— Да?
— Оно нашло тебя.

Валя посмотрела на дверь.
На кухне снова включилось радио.
Диктор говорил совершенно спокойно:
— Внимание.
Пауза.
— Гроб на колёсах обнаружил девочку Валю.
Валя попятилась.
— Девочка Валя находится в квартире.
Она смотрела на радио.
— Девочка Валя смотрит в окно.
Валя перестала дышать.
— Девочка Валя сейчас увидит…
Радио зашипело.
Диктор замолчал.
Валя медленно подняла глаза.
В окне напротив было её отражение.
Только отражение улыбалось.
А сама Валя — нет.
Отражение подняло руку.
И постучало по стеклу.
Тук.
Валя отшатнулась.
Тук.
Стекло задрожало.
Тук.
Она поняла, что звук идёт не с улицы.

Он был прямо за её спиной.

Валя медленно обернулась.

Посреди комнаты стоял гроб.

Крышка была открыта.

Внутри лежала её пионерская форма.

Красный галстук.

Белая рубашка.

И маленькая записка.

Валя подошла ближе.

На записке было написано её почерком:

«Я уже дома».

Радио тихо зашипело.

И диктор произнёс:

— Девочка Валя найдена.

Свет погас.

А через несколько секунд во дворе послышался знакомый звук.

Тук.

Тук.

Тук.

Гроб на колёсах покатился прочь.

На следующий день мама Вали пришла домой.

Дверь квартиры была открыта.

Внутри всё было на своих местах.

Чемодан стоял возле кровати.

Лагерная форма лежала на стуле.

На кухне остывшая картошка.

А на столе стоял радиоприёмник.

Мама подошла к нему и выключила.

Тишина.

Она уже собиралась выйти из кухни, когда радио снова включилось.

Из динамика раздался голос диктора:

— Передаём последние известия.

Мама замерла.

— Гроб на колёсах покинул дом.

Пауза.

— Девочка Валя находится внутри.

Мама медленно повернулась к коридору.

Оттуда донёсся звук.

Тук.

Она сделала шаг назад.

Тук.

Ещё один.

Тук.

А потом из детской комнаты раздался голос Вали:

— Мамочка…

Мама закрыла рот руками.

Голос снова позвал:

— Мамочка, открой дверь…

И тогда радио произнесло последнюю фразу:

— Следующий адрес установлен.

Вожатая Евгения

Ставропольский край. Лагерь «Радуга». Август 1985 года.

До конца смены оставалось четыре дня.

Днём всё было как обычно.

На площади перед столовой висели выцветшие красные флаги. Над воротами белой краской было написано: «Радуга» — и последняя буква уже облупилась настолько, что издалека название казалось неправильным.

По утрам играла музыка из старого громкоговорителя.

Дети бегали на линейку, толкались, спорили, кто сегодня будет дежурным. После завтрака кто-то уходил на спортплощадку, кто-то к речке, а кто-то просто валялся на кроватях, потому что последние дни смены всегда были одинаковыми.

Все уже устали.

Все уже хотели домой.

И именно поэтому никто не придал особого значения тому, что произошло вечером.

В тот день был костёр.

Большой, последний костёр перед отъездом.

Ребята из третьего отряда сидели полукругом вокруг огня. Пламя потрескивало, иногда выстреливая вверх маленькими искрами. За спинами начинался лес.

Днём он казался обычным.

Ночью — совсем другим.

Темнее.

Глубже.

Будто деревья становились выше, а расстояние между ними увеличивалось.

Вожатая Лариса сидела сбоку и следила, чтобы никто не полез слишком близко к костру.

— Всё, — сказала она, когда огонь немного осел. — Последние десять минут и по корпусам.

— А страшилку можно? — спросил кто-то.

— Какую ещё страшилку?

— Про Евгению.

Несколько человек засмеялись.

Лариса посмотрела на старших мальчишек.

— Опять начали?

— А что? — пожал плечами Витька. — Мы им расскажем.

— Только без глупостей.

— Да ладно, Лариса Сергеевна. Мы же не маленькие.

Она хотела возразить, но махнула рукой.

— Только недолго.

Витька поднялся.

Он был самым старшим в отряде. Ему уже исполнилось четырнадцать, и он очень любил изображать человека, который ничего не боится.

Он встал прямо перед костром.

Сделал серьёзное лицо.

И тихо сказал:

— А вы знаете, почему после отбоя нельзя выходить из корпуса?

Младшие притихли.

— Потому что за это ругают? — сказал кто-то.

— Нет.

Витька посмотрел на лес.

— Потому что раньше здесь была вожатая Евгения.

— И что?

— Она детей забирала.

Несколько девочек засмеялись.

— Куда?

— А никто не знает.

— Врёшь.

— Сам ты врёшь.

Витька продолжил:

— Моя сестра здесь была шесть лет назад. Она эту историю знала. Говорила, что Евгения работала в «Радуге» очень давно. Ещё когда корпуса были деревянные.

— И что с ней?

— Ночью пропал мальчик.

Костёр тихо треснул.

— Утром его не нашли.

— Убежал?

— Нет. Всё осталось в комнате. Одежда, вещи, ботинки.

— Может, домой уехал?

— Так родители приехали через два дня. Они его не за-

бирали.

Теперь никто не смеялся.

Витька говорил всё тише.

— Потом пропала девочка.

— А Евгения?

— Её видели ночью.

— Где?

Витька посмотрел на старый корпус за спиной.

— Возле зеркала.

Кто-то нервно хихикнул.

— А чего возле зеркала?

— Не знаю.

— И куда дети делись?

Витька пожал плечами.

— Говорят, Евгения их звала.

— Куда?

Он помолчал.

— По имени.

Лариса вмешалась:

— Всё. Хватит.

Но детям уже было интересно.

— А потом?

— Потом Евгения исчезла.

— Её нашли?

— Нет.

— А дети?

— Тоже нет.

Витька наклонился к костру.

— И теперь говорят, что если ночью услышишь, как тебя кто-то зовёт…

Он специально замолчал.

— …не отвечай.

— Почему?

Витька улыбнулся.

— Потому что если ответишь, она тебя услышит.

Раздался смешок.

Лариса поднялась.

— Всё, закончили. По корпусам.

Дети начали вставать.

И тут с дальнего края костра тихо сказал Артём:

— А если она уже здесь?

Все посмотрели на него.

Артёму было двенадцать.

Он сидел, обняв колени, и смотрел не на Витьку.

Он смотрел в лес.

— Хватит, Артём, — сказала Лариса.

— Я просто спросил.

— А я просто сказала — по корпусам.

Дети зашумели.

Через десять минут костёр погас.

Лагерь уснул.

И никто не знал, что утром одного ребёнка уже не будет.

Первым пропал Саша Корнеев.
Ему было одиннадцать.
Утром сосед по кровати заметил, что Саши нет.
Сначала никто не испугался.
Мало ли.
Может, ушёл в туалет.
Потом решили, что он пошёл к столовой.
Через двадцать минут его начали искать.
Через час об этом знал весь корпус.
Через два — весь лагерь.
Вещи Саши остались на месте.
Рубашка лежала на спинке кровати.
Кеды стояли под ней.
На тумбочке лежала открытая книга.
Окно было закрыто.
Дверь тоже.
Никто не видел, как он выходил.
Директор лагеря сначала говорил спокойно.
— Ищите на территории.
Проверили всё.
Столовую.
Медпункт.
Спортплощадку.
Пляж.
Сарай.
Котельную.

Даже мусорные баки.

Потом начали прочёсывать лес.

К вечеру приехала милиция.

Двое сотрудников ходили по территории, разговаривали с воспитателями, записывали фамилии.

Потом приехали кинологи.

Собаки взяли запах с одежды Саши.

И повели людей через лес.

Все молчали.

След шёл от корпуса к старой хозяйственной дороге.

Потом свернул к заброшенному складу.

Собака остановилась.

Понюхала землю.

Пошла дальше.

И вдруг резко рванула в сторону старого корпуса.

Кинолог едва удержал поводок.

Собака стояла перед дверью.

Смотрела на неё.

И тихо скулила.

— Что там? — спросил милиционер.

Кинолог пожал плечами.

— Не знаю.

Дверь открыли.

Внутри никого не было.

Только старое зеркало на стене.

И пыль.

Никаких следов.
Ничего.
Собака отказалась заходить внутрь.
Вечером детей не отпустили на прогулку.
Воспитатели ходили по коридорам.
Разговаривали шёпотом.
Ребятам сказали, что Сашу обязательно найдут.
Но никто уже не верил в обычную прогулку.
Потому что взрослые тоже начали бояться.
Особенно после того, как одна девочка сказала:
— Я ночью слышала, как Саша меня звал.
Воспитательница присела рядом.
— Когда?
— Ночью.
— Где?
— В коридоре.
— Ты его видела?
Девочка покачала головой.
— Только голос.
— Что он сказал?
Она посмотрела на воспитательницу.
— Моё имя.
В ту ночь детей уложили раньше.
Дежурные взрослые не выключали свет в коридорах.
Никто не должен был выходить.
Но около двух часов ночи мальчик по имени Миша

проснулся.

Он услышал шаги.

Медленные.

Совсем рядом.

Кто-то прошёл по коридору.

Потом остановился возле двери.

Миша открыл глаза.

Посмотрел на соседние кровати.

Все спали.

И тогда за дверью тихо произнесли:

— Миша…

Мальчик перестал дышать.

Голос был женский.

Очень тихий.

— Миша…

Он натянул одеяло до головы.

Дверь не открылась.

Через несколько секунд шаги удалились.

Утром Миша никому ничего не рассказал.

Кроме своего друга Артёма.

— Это она, — сказал Артём.

— Кто?

— Евгения.

— Дурак.

— Ты же слышал.

— Я ничего не слышал.

Артём посмотрел на него.
— Тогда почему ты всю ночь не спал?
Миша промолчал.
Второй ребёнок исчез следующей ночью.
На этот раз девочка.
Ольга.
Десять лет.
Её кровать стояла между двумя другими.
Обе соседки спали рядом.
Никто ничего не слышал.
Только утром обнаружили, что Ольги нет.
Начался крик.
Воспитатели побежали по комнатам.
Директор вызвал милицию ещё раз.
Теперь лагерь окончательно превратился в место поиска.
Люди ходили с фонарями.
Собаки бегали по лесу.
Милиционеры проверяли каждую постройку.
На воротах поставили охрану.
Никого не выпускали.
Но Ольги не было.
В тот день приехали её родители.
Мать плакала прямо возле директора.
— Вы нам ребёнка верните.
Директор не мог ответить.
К вечеру родителей других детей тоже начали предупре-

ждать.

Некоторые сами приехали в лагерь.

Забрали детей.

Кто-то кричал.

Кто-то обвинял администрацию.

Кто-то требовал закрыть лагерь.

А дети продолжали шептаться.

Они уже не говорили про Сашу.

Теперь они говорили про Женю.

Третью ночь дети практически не спали.

Воспитатели сидели в корпусах.

На каждом этаже дежурил взрослый.

Двери запирали.

Окна закрывали.

Никому не разрешали выходить.

Казалось, что теперь исчезнуть невозможно.

Но около четырёх утра в коридоре погас свет.

Всего на несколько секунд.

Потом включился.

Воспитатель поднялся.

Проверил комнаты.

Все дети были на месте.

Он выдохнул.

Почти все.

Одной кровати не хватало человека.

Мальчика звали Игорь.

Его не было.
Воспитатель побледнел.
Начался новый поиск.
И тогда один из детей сказал:
— Она приходит ночью.
— Кто?
— Женя.
— Перестань.
— Она забирает по одному.
— Замолчи.
— В байке так было.
Воспитатель схватил его за плечо.
— Никакой Жени не существует.
Мальчик посмотрел ему прямо в глаза.
— Тогда кто забирает детей?
Воспитатель не ответил.
На следующий день лагерь опустел наполовину.
Родители приезжали один за другим.
Дети собирали вещи.
Кто-то плакал, потому что хотел домой.
Кто-то плакал, потому что боялся оставаться.
В столовой больше никто не разговаривал громко.
На стене висел график дежурств.
Его сняли.
На площади больше не включали музыку.
Красный флаг убрали.

Вечером директор собрал всех оставшихся.
— Завтра всех отправляем домой.
Дети обрадовались.
Но Артём почему-то не почувствовал облегчения.
Он сидел на кровати и смотрел на окно.
За стеклом был лес.
Тёмный.
Совершенно неподвижный.
Миша сел рядом.
— Мы завтра уезжаем.
— Знаю.
— Значит, всё.
Артём ничего не ответил.
— Ты чего?
— Ничего.
Миша помолчал.
— Ты всё ещё думаешь про эту Женю?
Артём посмотрел на него.
— А ты нет?
Миша отвернулся.
— Нет.
Через несколько секунд сказал:
— А если она настоящая?
Артём ничего не ответил.
В эту ночь никто не исчез.
Но около трёх часов ночи дежурная воспитательница

услышала, как кто-то ходит возле корпусов.

Она вышла.

Посветила фонариком.

Никого.

Только лес.

И вдруг из темноты донёсся женский голос:

— Артём…

Воспитательница замерла.

Потом вернулась внутрь.

Она решила, что ей показалось.

Утром детей начали увозить.

Автобусы стояли у ворот.

Чемоданы.

Сумки.

Плачущие родители.

Последние объятия.

Директор лично проверял списки.

— Артём Петров.

— Здесь.

Мальчик поднял руку.

Мама взяла его за плечо.

— Поехали.

Он оглянулся.

На лагерь.

На корпус.

На лес.

На старую дорогу.

Всё выглядело совершенно обычным.

Будто ничего не произошло.

Будто здесь не пропали дети.

Будто последние несколько дней были страшным сном.

Когда автобус тронулся, Артём долго смотрел в заднее стекло.

И ему показалось, что возле старого корпуса стоит женщина.

Белая.

Неподвижная.

Он моргнул.

Женщина исчезла.

Дом встретил его тишиной.

Мама весь вечер пыталась накормить сына.

Отец несколько раз спрашивал:

— Ну как ты?

Артём отвечал:

— Нормально.

Он не рассказывал про голос.

Не рассказывал про Женю.

Не рассказывал, что слышал её ночью.

И уж точно не рассказывал, что однажды, когда все спали, видел в окне отражение женщины.

Мама уложила его спать.

— Всё закончилось.

— Да.
— Ты дома.
— Да.
Она поцеловала его и вышла.
Артём остался один.
Он лежал на кровати.
Смотрел в потолок.
Потом услышал тихий звук.
Кап.
Он сел.
Кап.
На полу возле шкафа была вода.
Артём посмотрел вверх.
Потолок сухой.
Кап.
Он поднял голову.
И увидел зеркало.
Небольшое.
Старое.
Оно стояло напротив дивана.
Артём медленно сел.
Сначала он видел только своё отражение.
Бледное лицо.
Растрёпанные волосы.
Большие глаза.
Потом заметил что-то за своей спиной.

Он замер.
В зеркале стояла женщина.
Белое платье.
Почти прозрачное.
Длинные волосы.
Она была так бледна, что казалась частью самого зеркала.
Артём не мог пошевелиться.
Женщина смотрела прямо на него.
Он медленно открыл рот.
Но не смог закричать.
Женщина подняла руку.
И приложила палец к губам.
Тишина.
А потом поверхность зеркала начала мутнеть.
Будто кто-то дышал на стекло с другой стороны.
На нём появилась первая буква.
В
Артём отшатнулся.
Вторая.
О
Третья.
Ж
Он смотрел, как на зеркале медленно проступают слова.
ВОЖАТАЯ ЕВГЕНИЯ
Артём закрыл глаза.
Когда открыл снова, женщины уже не было.

Но надпись осталась.
И под ней появилась ещё одна строка.
Всего из двух слов.
ТЫ МОЙ.
Артём закричал.
Из коридора прибежала мать.
— Что случилось?!
Она включила свет.
Посмотрела на сына.
Потом на зеркало.
Оно было совершенно чистым.
Никаких надписей.
Никакой женщины.
Только испуганное лицо Артёма.
Мать обняла его.
— Тише, дружочек, тише.
Артём ничего не ответил.
Он смотрел в зеркало.
Потом руки матери медленно отстранили его от себя.
Он поднял глаза на вверх.
И замер.
На него улыбаясь смотрела
ВОЖАТАЯ ЕВГЕНИЯ
Мальчик вскрикнул.
И проснулся, тяжело но быстро дыша.
Он огляделся по сторонам, он был в лагере, лежал на сво-

ей кровати, рядом лежали мальчишки. Он вспомнил, что вчера вечером ему рассказали страшилку про вожатую Евгению. Он вытер лоб от пота и произнёс.

— Фух всего лишь сон.

Он пригляделся в дверной проем и увидел женщину в белом. Она тихо произнесла.

— Ты мой, Артём!

Чёрная «Волга»

В июле 1960 года на Москве-реке утонула чёрная «Волга».

Случилось это поздно вечером, почти у самой набережной.

Машина шла со стороны центра. Свидетели потом рассказывали, что она двигалась слишком быстро для того места. На повороте водитель не справился с управлением, автомобиль пробил ограждение и рухнул в воду.

В салоне находились четверо.

Водителя нашли на следующий день.

Троих пассажиров не нашли.

Саму машину тоже.

Водолазы несколько раз обследовали дно, но «Волга» словно исчезла. Теоретически её могло отнести течением, но поиски ниже по реке ничего не дали.

Дело закрыли.

Прошло пятнадцать лет.

В августе 1975 года четверо московских подростков решили искупаться в Москве-реке.

Звали их Саша, Витька, Миша и Лёшка.

Им было от шестнадцати до семнадцати.

Стоял жаркий вечер. Вода была тёплой, берег ещё долго не хотел отпускать дневное тепло. Ребята пришли после футбола, бросили одежду на траву и полезли в реку.

Они купались, толкались, ныряли и спорили, кто дальше заплывёт.

Потом Миша первым заметил машину.

— Смотрите.

На набережной медленно ехала чёрная «Волга».

— Ну и что? — сказал Витька.

— Стёкла глянь.

Все посмотрели.

Стёкла действительно были чёрными.

Не тонированными — тогда это выглядело бы странно само по себе. Просто настолько тёмными, что невозможно было разглядеть салон.

Машина ехала медленно.

Слишком медленно.

Она миновала ребят, проехала ещё метров двадцать, остановилась и заглушила двигатель.

— Может, такси? — сказал Лёшка.

— Такси ночью у реки?

— А почему нет?

Никто не ответил.

В машине никто не выходил.

Ребята уже собирались возвращаться к одежде, когда двигатель снова заработал.

«Волга» медленно тронулась.

Но теперь она ехала не вдоль набережной.

Она повернула прямо к ним.

Миша засмеялся.
— Вот это уже интересно.
Машина остановилась примерно в десяти метрах от воды.
Двери не открывались.
Внутри было темно.
Ребята стояли по пояс в реке и смотрели на неё.
— Поехали отсюда, — сказал Саша.
— Чего испугался?
— Не испугался.
— Тогда чего?
Саша ничего не ответил.
Он смотрел на заднее стекло.
Ему показалось, что там кто-то сидит.
Потом дверь со стороны водителя чуть приоткрылась.
Ребята замолчали.
Дверь закрылась.
И машина медленно покатилась назад.
Прямо в воду.
Она не разгонялась.
Просто ехала.
Задние колёса коснулись реки.
Потом вода дошла до бамперов.
Машина продолжала двигаться.
— Она утонет! — крикнул Миша.
Никто не ответил.
Через несколько секунд «Волга» исчезла под водой.

Только круги пошли по поверхности.

А потом всё стихло.

На следующий день в одной из московских газет появилась короткая заметка.

«Трагический случай на Москве-реке».

Четверо подростков утонули вечером во время купания.

Тела троих обнаружили утром.

Четвёртого искали ещё два дня.

Следователь майор Виктор Сергеевич Крылов прочитал заметку в кабинете.

Он уже много лет работал в милиции и видел достаточно утоплений, чтобы не удивляться подобным историям.

Но в этот раз его зацепила одна деталь.

Возраст погибших.

Шестнадцать.

Семнадцать.

Шестнадцать.

Семнадцать.

Крылов отложил газету.

Позвонил дежурному.

— Фамилии погибших мне принеси.

Через двадцать минут список лежал у него на столе.

Крылов прочитал его один раз.

Потом второй.

На четвёртом имени остановился.

Он открыл старую папку.

Пыльную, толстую, с выцветшей надписью:

«ДТП. Москва-река. 1960 год».

Развернул документы.

Внутри был список людей, находившихся в той самой чёрной «Волге».

Четверо.

Крылов сравнил фамилии.

Одна совпадала.

Точно.

Фамилия, имя, отчество.

Совпадение было слишком странным, чтобы его просто забыть.

Он поднялся и пошёл в архив.

В архиве ему сказали, что дело старое и материалы лучше смотреть самому.

Крылов просидел там почти три часа.

В 1960 году погибло четверо.

Трое пассажиров не были найдены.

В 1975-м погибли четверо подростков.

У одного из них была фамилия, совпадающая с фамилией одного из пропавших пассажиров.

Крылов сначала решил, что это родственник.

Но когда подняли документы, выяснилось: никакого родства.

Разные районы.

Разные родители.

Разные отчества.

Он попросил найти фотографию утонувшей машины.

Ему принесли старый снимок.

Обычная чёрно-белая фотография.

Река.

Набережная.

Люди в пальто.

На поверхности воды ничего особенного.

Крылов уже собирался вернуть снимок, когда заметил под водой тёмное пятно.

Он наклонился ближе.

Это была машина.

Та самая «Волга».

Она лежала на боку.

Крылов долго смотрел на снимок.

Потом заметил ещё одну деталь.

В окне лобового виднелось лицо.

Сначала он решил, что это блик.

Попросил увеличить фотографию.

Снимок увеличили.

Лицо стало различимо.

Молодой парень.

Крылов смотрел на него несколько секунд.

Потом перевёл взгляд на папку 1975 года.

На фотографии погибших подростков этот же человек был изображён на групповом снимке.

Только в 1975 году ему было семнадцать.
А на фотографии под водой он выглядел лет на сорок.
Крылов ничего не сказал архивисту.
Просто забрал снимок.
Через неделю он снова приехал к реке.
Стоял поздний вечер.
Набережная почти опустела.
Крылов курил и смотрел на воду.
Он не верил в призраков.
За двадцать лет службы он научился не верить слухам.
Но он верил документам.
А документы говорили о том, чего быть не могло.
Он уже собирался уходить, когда услышал звук двигателя.
Крылов обернулся.
На набережную выехала чёрная «Волга».
Машина медленно приближалась.
Он не видел номера.
Стёкла были чёрными.
Крылов замер.
«Волга» проехала мимо.
Потом остановилась.
Двигатель продолжал работать.
Крылов сделал шаг назад.
Машина медленно сдала назад.
Остановилась напротив него.
Водитель не выходил.

Крылов подошёл ближе.

В салоне было темно.

Он наклонился к стеклу.

— Кто вы?

Ответа не было.

Он постучал по стеклу.

Тук.

Тук.

Тук.

Внутри кто-то повернул голову.

Крылов отшатнулся.

Он увидел водителя.

И узнал его.

На фотографии из дела 1960 года этот человек был за рулём.

Крылов знал его фамилию.

Знал дату смерти.

Знал, где нашли тело.

Но сейчас мужчина сидел перед ним живой.

Вода стекала с его лица.

Глаза смотрели прямо на Крылова.

Губы шевельнулись.

Крылов не услышал слов.

Но понял.

Водитель сказал:

— Ещё не время.

Машина тронулась.

Проехала несколько метров.

И исчезла в темноте.

После этого Крылов перестал считать происходящее совпадением.

Он начал искать старые упоминания.

Сначала в московских газетах.

Потом в районных архивах.

Потом попросил поднять старые материалы.

Через две недели у него на столе лежала первая странная запись.

1945 год.

Авария возле Москвы-реки.

Чёрный автомобиль.

Четыре человека.

Машина ушла в воду.

Крылов долго смотрел на дату.

Потом проверил марку.

Автомобиль оказался иностранным.

«Волги» в Советском Союзе тогда ещё не существовало.

Он перечитал запись.

Там было написано:

«Чёрный автомобиль с четырьмя пассажирами».

Крылов попросил принести фотографию.

Ему принесли снимок.

На фотографии была река.

На берегу стояли люди.

А в воде виднелся автомобиль.

Крылов приблизил снимок.

У машины были знакомые очертания.

Он почувствовал холод в руках.

Дальше повторения пошли через пятнадцать лет.

В каждом случае — вода.

В каждом случае — чёрная машина.

В каждом случае — четыре человека.

Крылов не нашёл ни одного упоминания о пяти пассажирах.

Ни одного о трёх.

Всегда четыре.

Он составил таблицу.

Дата.

Место.

Количество людей.

Описание автомобиля.

Свидетели.

Результат.

Внизу каждой страницы появлялась одна и та же цифра.

15.

Крылов сидел над бумагами до трёх часов ночи.

Потом достал чистый лист.

Написал:

1990.

Подчеркнул.

И долго смотрел на эту дату.

Он решил, что следующего случая нельзя допустить.

Крылов написал рапорт.

Попросил установить постоянное наблюдение за участком набережной.

Объяснил всё обычными словами: возможны несчастные случаи, следует усилить патрулирование.

Про «машину» он не написал.

Про фотографии тоже.

Ему бы просто не поверили.

Но документы он спрятал.

На первой странице сделал пометку:

«Если это читают в 1990 году, значит, я оказался прав».

Вторую записку написал уже для того, кто найдёт папку:

«Не подходить к машине. Не открывать двери. Не смотреть внутрь».

Он остановился.

Подумал.

И добавил:

«Если увидите свободное место — уходите».

Папку Крылов положил в архив.

1990 год.

Крылов уже давно не работал.

Его документы остались в архиве.

О папке никто не вспоминал.

Пока однажды молодой сотрудник по фамилии Орлов не начал разбирать старые дела.

Орлову было двадцать семь.

Он недавно пришёл работать и пока ещё относился к архиву как к месту, где можно спокойно просидеть до конца смены.

В тот вечер шёл дождь.

Орлов разбирал старые материалы и наткнулся на папку с надписью:

«Москва-река. 1945–1975».

Он открыл её.

Прочитал всё.

Улыбнулся.

На последней странице увидел предупреждение Крылова.

Орлов фыркнул.

— Ну и фантазёр.

Он закрыл папку.

Потом снова открыл.

Прочитал последнюю строчку.

«Если увидите свободное место — уходите».

Орлов усмехнулся.

— Конечно.

Он убрал бумаги в шкаф.

В десять вечера выключил свет и вышел на улицу.

Дождь почти закончился.

Москва была мокрой, холодной и пустой.

Орлов пошёл к метро.

Когда он оказался возле набережной, услышал звук двигателя.

Он остановился.

Из темноты медленно появилась чёрная «Волга».

Она ехала прямо на него.

Орлов смотрел, не двигаясь.

Машина остановилась.

Двигатель работал.

Чёрные стёкла отражали фонари.

Орлов вспомнил папку.

Внутри стало неприятно холодно.

Он хотел уйти.

Но дверь водителя открылась.

Медленно.

Самостоятельно.

Орлов сделал шаг назад.

Из машины никто не вышел.

Он подошёл ближе.

В салоне сидели люди.

Четверо.

Водителя он узнал сразу.

Это был Виктор Сергеевич Крылов.

Тот самый следователь.

Таким он был на старой фотографии.

Рядом сидел мужчина из дела 1960 года.
На заднем сиденье — два подростка.
Орлов узнал их по фотографиям.
Те самые.
Погибшие в 1975-м.
Крылов посмотрел на Орлова.
Потом повернулся и посмотрел на заднее сиденье.
Там было ещё одно место.
Свободное.
Крылов открыл заднюю дверь.
Орлов попятился.
Он хотел бежать.
Но услышал голос.
Тихий.
Совсем рядом.
— Мы ждали.
Орлов посмотрел на реку.
В чёрной воде отражалась машина.
Только отражение было другим.
В нём «Волга» стояла уже по самые окна в воде.
А задняя дверь была открыта.
Орлов снова посмотрел в салон.
Тихий голос прошептал.
— Свободно одно место, оно твое.

Чёрный телевизор

В одном городе жила девочка десяти лет.

Она жила с мамой и бабушкой.

Однажды бабушка купила новый телевизор.

Большой. Чёрный. С выпуклым стеклянным экраном.

Соседи помогли занести его в комнату и поставили на старую тумбу.

Девочка сразу подошла.

— Бабушка, а включить можно?

— Потом.

— А когда?

— Когда мама придёт.

— А почему сейчас нельзя?

Бабушка посмотрела на телевизор и тихо сказала:

— Просто не трогай.

Вечером пришла мама.

Они поужинали.

Бабушка ещё раз сказала:

— Телевизор пока не включайте.

— Почему? — спросила мама.

— Не знаю.

Ночью бабушка умерла.

Утром мама вызвала врача.

Врач сказал, что бабушка умерла во сне.

Её похоронили.

После похорон девочка несколько дней вообще не заходила в комнату.

Но однажды вечером мама сказала:

— Ну что ты сидишь? Включи телевизор.

Девочка села на стул и нажала кнопку.

Экран загорелся.

Появился снег.

Ш-ш-ш-ш…

Потом телевизор заработал.

Сначала показывали какой-то фильм.

Девочка смотрела.

И вдруг картинка исчезла.

На экране появилась бабушка.

Она стояла посреди комнаты.

В той самой одежде, в которой её похоронили.

Девочка замерла.

Бабушка смотрела прямо на неё.

Потом подняла палец к губам.

— Тише…

И экран погас.

Девочка закричала.

Мама прибежала из кухни.

— Что случилось?

— Бабушка!

— Что бабушка?

— Она была в телевизоре!

Мама посмотрела на экран.

— Тебе показалось.

В ту ночь девочка долго не могла заснуть.

А потом ей приснилась бабушка.

Она стояла возле того самого телевизора.

— Послушай меня, — сказала она. — Больше его не включай.

— Почему?

Бабушка посмотрела куда-то в сторону.

Девочка проснулась.

Утром мама ушла на работу.

Девочка осталась дома одна.

Она старалась не заходить в комнату.

Но к вечеру услышала из неё тихое потрескивание.

Ш-ш-ш-ш…

Телевизор был включён.

Девочка подошла ближе.

На экране снова появилась бабушка.

Она сидела на стуле.

Рядом стояла мама.

Девочка испугалась.

Потому что мама в это время была на работе.

Бабушка смотрела на неё.

Потом встала.

На экране появилась сама девочка.

Она стояла посреди комнаты.
Мама подошла к ней.
Схватила за шею.
Девочка начала вырываться.
Бабушка схватила её за руки.
Она пыталась освободиться.
Кричала.
Плакала.
Но телевизор показывал всё без звука.
Мама держала её всё крепче.
Девочка била ногами по полу.
Пыталась оттолкнуть мать.
Пыталась вырваться от бабушки.
Потом посмотрела прямо в экран.
Прямо на девочку, которая стояла перед телевизором.
И та увидела собственные глаза.
Испуганные.
Заплаканные.
Девочка на экране будто хотела что-то сказать.
Но не могла.
Её руки медленно опустились.
Бабушка продолжала держать её.
Мама не отпускала.
И вдруг девочка на экране перестала сопротивляться.
Экран погас.
Девочка отшатнулась.

В этот момент открылась входная дверь.
Пришла мама.
Она вошла в комнату.
Посмотрела на дочь.
Потом на телевизор.
— Ты опять его включала?
Девочка заплакала.
— Мам, не подходи к нему.
Мама ничего не ответила.
Она подошла к телевизору.
И выключила его.
Ночью девочка проснулась от крика.
Она выбежала из комнаты.
Телевизор снова работал.
На экране была мама.
Она стояла перед девочкой.
А рядом была бабушка.
Девочка закричала:
— Мам!
Но мама не слышала.
На экране она снова схватила девочку за шею.
Бабушка держала её за руки.
Девочка билась.
Плакала.
Пыталась кричать.
Потом картинка исчезла.

На экране остался только чёрно-белый снег.
Ш-ш-ш-ш…
Утром соседи услышали, что в квартире слишком тихо.
Они постучали.
Никто не ответил.
Позвали милицию и вскрыли дверь.
В квартире никого не было.
Милиция ни кого не обнаружила и ушла.
Ни девочки.
Ни мамы, не было.
Только чёрный телевизор стоял посреди комнаты.
Он был включён.
На экране шёл чёрно-белый снег.
Ш-ш-ш-ш…
Сосед подошёл ближе.
Картинка изменилась.
На экране была та самая комната.
Бабушка держала девочку за руки.
Мама душила её.
Девочка вырывалась и смотрела прямо в экран.
Потом всё остановилось.
Девочка перестала двигаться.
Бабушка и мама тоже замерли.
Несколько секунд никто не двигался.
А потом девочка медленно подняла голову.
И посмотрела прямо на соседа.

Она улыбнулась.
Сосед отступил.
И тут из телевизора раздался тихий детский голос:
— Теперь твоя очередь.
Телевизор погас.
В комнате стало темно.
А потом из-за спины соседа кто-то тихо прошептал:
— Тише…
Он обернулся.
За ним стояла девочка.
Та самая, которая была на экране.
Только теперь она была уже возле него.

Состав-призрак

Москва, 1988 год.

В метро всегда была ночная смена.

Пока город наверху засыпал, под землёй жизнь не прекращалась. После часа ночи закрывались последние станции, пассажиров уже не было, эскалаторы останавливались, в переходах становилось непривычно тихо.

Но метро продолжало работать.

Где-то меняли рельсы. Где-то проверяли кабели. Где-то ремонтировали освещение. Дежурные сидели на станциях и ждали утра. Машинисты перегоняли составы в депо.

И среди работников метро ходила одна старая байка.

Называлась она просто — состав-призрак.

Новеньким её рассказывали обязательно.

Обычно ночью, когда работы заканчивались и уже хотелось кофе.

— Только не смейся, — говорил старший дежурный. — Тут это каждый знает.

Новенький обычно улыбался.

— Что?

— После часа ночи по кольцу ходит ещё один поезд.

— Какой ещё поезд?

— Никакой.

— А если ходит, значит какой-то.

— Вот именно. Никакой, а ходит.

Старики усмехались.

Потом объясняли.

После того как последний обычный поезд уходил с линии, примерно через двадцать минут по кольцу проходил старый состав.

Без расписания.

Без номера.

Без пассажиров.

Во всяком случае, так казалось сначала.

Он останавливался на каждой станции, открывал двери, ждал несколько секунд и ехал дальше.

И делал полный круг.

Потом второй.

Потом третий.

До самого утра.

Ровно в пять, когда на линию выходил первый настоящий поезд, призрачный состав исчезал.

— И кто его водит?

— Машинист.

— Какой?

— Не знаю.

— А что за состав?

— Не знаю.

— А пассажиры?

Вот на этом вопросе старики обычно замолкали.

А потом кто-нибудь говорил:

— Пассажиры там есть.

— Кто?

— Те, кому больше ехать некуда.

Так рассказывали в метро.

Без страха.

Без криков.

Просто как одну из тех странных вещей, которые иногда случаются в большом городе.

Впервые об этой истории Виктор Сергеевич услышал в 1969 году.

Тогда он только начинал работать в метро.

Ему было двадцать три.

Он был здоровый, худой, вечно торопился и совершенно не верил ни в какие сказки.

Старый слесарь Фёдор Ильич однажды сказал ему:

— Виктор, если ночью увидишь поезд без номера — не удивляйся.

— Почему?

— Потому что это наш.

— Чей?

— Метро.

Виктор засмеялся.

— Вы меня разыгрываете?

— Зачем?

— Ну призрачный поезд какой-то.

Фёдор Ильич посмотрел на него совершенно серьёзно.

— Я тоже сначала смеялся.

— А потом?

— Потом увидел.

Виктор ждал продолжения.

Но старик ничего больше не сказал.

— И что?

— Ничего.

— Как ничего?

— Проехал мимо.

— И всё?

— А что ещё должно было произойти?

Виктор пожал плечами.

— Не знаю.

Фёдор Ильич улыбнулся.

— Вот и я не знаю.

На этом разговор закончился.

Виктор забыл про историю почти сразу.

До той ночи.

Это случилось зимой.

Москва тогда была белая, холодная, настоящая.

Снег лежал на крышах, на остановках, на фонарях. Люди торопились домой, поднимали воротники и мечтали только об одном — скорее оказаться в тёплой квартире.

В метро было многолюдно.

Последние пассажиры спешили на поезда.

На часах было без пяти минут час.
Виктор стоял на станции и проверял оборудование.
В 01:03 последний поезд ушёл.
Станция опустела.
Он остался один на платформе.
Где-то далеко гудела вентиляция.
Лампы под потолком тихо потрескивали.
Виктор посмотрел на часы.
01:18.
И вдруг услышал поезд.
Он сразу понял, что звук какой-то неправильный.
Обычный состав приближался громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.